

УДК 347.6310

DOI: 10.28995/2073-6304-2020-1-110-116

Права ребенка в процессе реализации программы суррогатного материнства

Ирина В. Воробьева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, ir.vik@mail.ru*

Александр В. Мельников

*ООО «Компания Хеликон», Москва, Россия
obolenck@gmail.com*

Аннотация. Стремительное развитие вспомогательных репродуктивных технологий привело к тому, что российское законодательство оказалось в роли «догоняющего» и не обеспечивает их должное правовое регулирование. Это приводит к тому, что зачастую нарушаются права субъектов возникающих правоотношений. В данной статье рассмотрен вопрос возможного нарушения прав ребенка, родившегося по программе суррогатного материнства, а также предложены пути их защиты.

Ключевые слова: суррогатное материнство, суррогатная мать, договор суррогатного материнства, права ребенка, органы опеки и попечительства

Для цитирования: Воробьева И.В., Мельников А.В. Права ребенка в процессе реализации программы суррогатного материнства // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2020. № 1. С. 110–116. DOI: 10.28995/2073-6304-2020-1-110-116

Children's rights in the process of implementation surrogacy programs

Irina V. Vorob'eva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, ir.vik@mail.ru

Aleksandr V. Mel'nikov

Helicon Company LLC, Moscow, Russia, obolenck@gmail.com

Abstract. The rapid development of supportive reproductive technologies has led to the fact that Russian legislation found itself in the position of the one “catching up” and does not ensure their proper legal regulation. That leads to

the fact that the rights of subjects of emerging legal relations are often violated. This article discusses the issue of possible violation of the rights of a child born under the surrogacy program, and suggests ways to protect them.

Keywords: surrogate motherhood, surrogate mother, surrogacy agreement, child rights, guardianship and trusteeship authorities

For citation: Vorob'eva, I.V. and Mel'nikov, A.V. (2020), "Children's rights in the process of implementation surrogacy programs", *RSUH/RGG Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no 1, pp. 110-116, DOI: 10.28995/2073-6304-2020-1-110-116

Специалисты, занимающиеся исследованием демографической ситуации в России, считают, что одной из причин спада рождаемости населения в 90-е гг. XX века явилось наличие «демографических ям» предыдущих лет (1940 и 1970 гг.)¹.

С 2020 по 2036 г. согласно официальным данным, размещенным на сайте Федеральной службы государственной статистики в разделе «Демография» (обновлено 26.12.2019), ожидается новое снижение рождаемости, одной из причин которого будет отсутствие достаточного количества половозрелого населения в 90-х гг.²

К этой проблеме добавляется то, что с осложнением экологической обстановки все большее количество людей, желающих иметь собственного ребенка, не могут стать родителями. Как правило, причина этому – мужское и женское бесплодие.

Решение данного вопроса с помощью иммиграционных потоков представляется не самым лучшим вариантом. Необходимо объединение усилий государства и общества для укрепления семейных ценностей в современных условиях и в итоге выхода из складывающейся сложной демографической ситуации.

Благодаря повышению престижности семьи в обществе должны создаваться условия, оказывающие благоприятное воздействие на рождаемость, способствующие уходу от негативного отношения людей к некоторым «нетрадиционным» методам решения проблемы бесплодия в семье.

Немаловажным вопросом является защита интересов ребенка, родившегося по программе суррогатного материнства, так как он

¹ Демографические ямы в России. Досье [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/5503201> (дата обращения 07.01.2020).

² Официальная страница Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://gks.ru/folder/12781#> (дата обращения 07.01.2020).

является самой незащищенной стороной в этом случае, и его благополучие должно стоять «на первом месте». В решении многих вопросов, а среди них самым важным является вопрос о том, кто будет зарегистрирован как родитель новорожденного, законодателю следовало бы заранее учесть возможные негативные последствия для будущей жизни ребенка.

Удостоверение происхождения ребенка в законном порядке напрямую оказывает влияние на возможность реализации гражданами своих родительских прав [Нечаева 2016, с. 88–89].

Положения Конвенции о правах ребенка гарантируют право каждого ребенка знать своих родителей³. В ст. 38 Конституции Российской Федерации провозглашается, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства⁴.

В настоящее время вопрос о происхождении ребенка, родившегося по программе суррогатного материнства, остается до конца не разрешенным.

И, скорее всего, его решение невозможно ввиду специфики самой процедуры. В семейном законодательстве отсутствует определение юридического термина «мать». Принцип «мать та, которая родила», сформулированный римскими юристами, в связи с развитием вспомогательных репродуктивных технологий устаревает. На современном этапе происхождение ребенка от женщины, по аналогии с отцовством, должно устанавливаться на основании молекулярно-генетических тестов, которые определяют родство со степенью достоверности, близкой к категоричному выводу⁵.

Женщина, решившая принять участие в суррогатном материнстве для вынашивания ребенка, отечественным законодателем наделена правами матери и выступает в качестве субъекта семейного права. Некоторые авторы поддерживают данную позицию, считая, что складывающиеся отношения в ходе выполнения программы суррогатного материнства относятся к сфере регулирования семейного права [Масляков, Портенко 2016, с. 43–48].

Однако в результате этого возникают правовые коллизии, когда на признание права материнства могут рассчитывать обе женщи-

³ Одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

⁴ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. 1994. № 1. Ст. 1; с послед. изм. и попр.; СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Российская газета. 2017. 24 мая.

ны: суррогатная и генетическая мать ребенка. Возможен вариант, при котором супруги бесплодной супружеской пары признаются его родителями, но при условии, что суррогатная мать может иметь на него некоторые права.

Наличие возможности у суррогатной матери изменить свое решение в отношении ребенка вносит неопределенность, которая должна отсутствовать в законодательстве и составленном на его основе договоре. Предварительно данное суррогатной матерью заявление в письменной форме должно служить гарантией отсутствия всяких притязаний на ребенка в дальнейшем.

Нельзя не учитывать то обстоятельство, что к услугам суррогатной матери обращаются люди состоятельные, а сама суррогатная мать зачастую испытывает материальные затруднения. Закрепляя право суррогатной матери определять судьбу ребенка, законодатель создает угрозу его субъективным гражданским правам на дальнейшее достойное существование [Михайлова 2009, с. 12–15].

На протяжении многих лет защита прав ребенка является темой, которая привлекает внимание специалистов в науке и правозащитной деятельности. Подтверждением тому могут служить принятые на межгосударственном уровне нормативно-правовые акты, гарантирующие основные права и свободы человека – Конвенция о правах ребенка, Конвенция о защите прав человека и основных свобод⁶, Всеобщая декларация прав человека⁷.

Все указанные акты направлены на защиту неотчуждаемых прав, которые принадлежат каждому человеку от рождения. Среди них следует выделить право ребенка на жизнь и здоровое развитие, его право знать своих родителей и свободно общаться с ними, право на их заботу.

Однако российский законодатель, закрепив право суррогатной матери на дачу согласия о регистрации родителями бесплодной супружеской пары, вступает в противоречие с международными нормами, нарушая права ребенка и его генетических родителей, создает сложности при установлении происхождения ребенка.

Возникает угроза благополучию не только бесплодной супружеской пары, но и родившегося ребенка. Происходит нарушение международных принципов в области охраны основных прав и свобод человека, а также принципов семейного законодательства (не вмешательство в дела семьи, ее укрепление и защита).

⁶ Заключена в Риме 4 ноября 1950 г. // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.

⁷ Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1998. 10 дек.

Семейное законодательство предусматривает обязанность родителей, органов опеки и попечительства, а также других компетентных органов в осуществлении защиты имущественных прав детей (сюда входит право на жилище и алименты). Данные органы должны защищать детей от возможного злоупотребления со стороны недобросовестных родителей и иных законных представителей (лишение родительских прав, отмена усыновления). Органы опеки и попечительства принимают участие в жизни ребенка в случае, если его мать не в состоянии исполнять свои обязанности (лишена родительских прав, недееспособна и т. д.), давая согласие на установление происхождения ребенка от отца.

Однако в Семейном кодексе Российской Федерации отсутствуют нормы, которые гарантировали бы защиту прав ребенка, появившегося на свет в ходе выполнения программы суррогатного материнства. В обязанности органов опеки и попечительства в данном случае не входит защита прав ребенка до момента установления его происхождения [Тихомиров, Архипова, Косякова 1998].

Учитывая возможные осложнения при выполнении договорных обязательств, необходимо участие компетентных органов в рассмотрении вопроса целесообразности передачи ребенка генетическим родителям и дачи согласия на это суррогатной матерью. Это объясняется тем многообразием сценариев, которые могут развиваться после рождения ребенка, и в каждом из них обязательен приоритет защиты прав новорожденного.

До получения генетическими родителями согласия суррогатной матери на государственную регистрацию ребенка его правовое положение не определено, и в соответствии с п. 1 ст. 48 Семейного кодекса Российской Федерации он является ребенком суррогатной матери и ее мужа (или бывшего супруга согласно п. 2 ст. 48 Семейного кодекса Российской Федерации). Следовательно, до регистрации генетическими родителями ребенка он, в соответствии со ст. 1142 Гражданского кодекса Российской Федерации, считается наследником первой очереди в отношении наследства суррогатной матери и ее супруга. При этом, как уже было сказано выше, имущественное благополучие ребенка ставится под вопрос.

Возможна ситуация, при которой суррогатная мать, не успев дать своего согласия на регистрацию ребенка его генетическими родителями, умирает, и тогда происходит ущемление прав ее «настоящих» наследников. Однако заключая договор суррогатного материнства, женщина не желала этого и рассчитывала даже получить вознаграждение в случае возмездных отношений по договору.

При одновременном наличии согласия суррогатной матери на регистрацию ребенка его генетическими родителями и их отказе от

ребенка (или в случае гибели родителей до момента регистрации ребенка) новорожденный признается сиротой. При этом отказ генетических родителей может быть связан, например, с наличием заболеваний у новорожденного.

Для исключения юридических проблем при установлении происхождения ребенка необходимо внесение соответствующих поправок в действующее российское законодательство. Требуется, чтобы основанием для регистрации ребенка его генетическими родителями были договор о суррогатном материнстве и справка из медицинской организации о рождении ребенка суррогатной матерью. Необходимость получения согласия со стороны суррогатной матери должна быть исключена.

В настоящее время очевидны законодательные пробелы в отношении обеспечения прав одинокой женщины, которая может воспользоваться услугами суррогатной матери.

Признавая возможность ее обращения к программе суррогатного материнства (ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), законодатель не внес соответствующие изменения в Семейный кодекс Российской Федерации и в Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» для установления одинокой женщиной своих родительских прав. В этом случае возможно нарушение прав ребенка знать своих родителей, общаться с ними, ждать от них заботы и помощи.

Для защиты прав и законных интересов ребенка необходимо органам опеки и попечительства совершать действия для его признания наследником генетических родителей (как наиболее материально обеспеченных) в соответствии с договором суррогатного материнства (ст. 1167 Гражданского кодекса Российской Федерации). Генетические родители в этом случае не освобождаются от своих обязанностей по уплате алиментов.

Литература

- Масляков, Портенко 2016 – *Масляков В.В., Портенко Н.Н.* Законодательное регулирование суррогатного материнства // Медицинское право. 2016. № 5. С. 43–48.
- Михайлова 2009 – *Михайлова И.А.* Законодательство, регулирующее установление происхождения детей, нуждается в корректировке // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 2. С. 12–15.
- Нечаева 2016 – *Нечаева А.М.* Семейное право. М.: Юрайт, 2016. С. 88–89.
- Тихомиров, Архипова, Косякова 1998 – *Тихомиров Ю.А., Архипова Н.И., Косякова Н.И.* Российское гуманитарное право. М., 1998. 420 с.

References

- Maslyakov, V.V. and Portenko, N.N. (2016), "Legislative regulation of surrogacy", *Meditsinskoe pravo*, no 5, pp. 43-48.
- Mikhailova, I.A. (2009), "Legislation governing the determination of the origin of children needs to be adjusted", *Voprosy yuvenal'noi yustitsii*, no 2, pp. 12-15.
- Nechaeva, A.M. (2016), *Semeinoe pravo* [Family law], Yurait, Moscow, Russia.
- Tikhomirov, Yu.A., Arkhipova, N.I. and Kosyakova, N.I. (1998), *Rossiiskoe gumanitarnoe pravo* [Russian humanitarian law], Moscow, Russia.

Информация об авторах

Ирина В. Воробьева, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ir.vik@mail.ru

Александр В. Мельников, юрисконсульт ООО «Компания Хеликон», Москва, Россия; 119619, Россия, Москва, Новомещерский пр-д, д. 9; obolenck@gmail.com

Information about the authors

Irina V. Vorob'eva, Cand. of Sci. (Law), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; ir.vik@mail.ru

Aleksandr V. Mel'nikov, legal advisor, Helicon Company LLC, Moscow, Russia; bld. 9, Novomeshcherskii Lane, Moscow, Russia, 119619; obolenck@gmail.com